

© 1990 г.

А. В. ЛИПСКИЙ, П. П. КРОТОВ

ЗЫРЯНСКИЙ СЛЕД В БИОГРАФИИ ПИТИРИМА СОРОКИНА

ЛИПСКИЙ Александр Викторович — младший научный сотрудник Института социологии АН СССР, постоянный автор журнала. КРОТОВ Павел Петрович - выпускник Сыктывкарского госуниверситета, аспирант Института социологии АН СССР, в нашем журнале публикуется впервые.

В январе 1989 г. мировая наука отметила 100-летие со дня рождения Питирима Александровича Сорокина (1889-1968 гг.). В разных странах ему были посвящены многочисленные публикации. В отличие от прошлых лет не обошла вниманием это событие и советская пресса. Однако на биографической карте Сорокина остается еще много «белых пятен», что прежде всего относится к детству и юности ученого, которые, безусловно, оказали самое существенное влияние на жизненный путь Питирима Александровича. Обращаясь к этому периоду, надо прежде всего ответить на вопрос:

Где родился Питирим Сорокин!

На сей счет существует несколько версий. Энциклопедический философский словарь, а вслед за ним и справочник по истории зарубежной социологии информируют, что местом рождения следует считать село Жешарт, ныне Коми АССР [1]. В других источниках местом, «где, как известно, родился П. А. Сорокин», называют город Великий Устюг Вологодской области [2]. Журнал «Новое время» превращает уже упомянутое село Жешарт в «глухую чувашскую деревню» [3]. А профессор И. А. Голосенко настаивает на том, что искомой географической точкой является «деревня Турья» в Коми крае [4].

Заметим, кстати, что деревни с таким названием, по крайней мере в XIX в., не существовало. Зато в прошлом столетии на территории Яренского уезда Вологодской губернии (Коми край) стояло село Турья (или Турьинское, согласно Брокгаузу и Ефрону) [12]. По-видимому, именно его и имел в виду Питирим Сорокин, указывая в автобиографии «Дальняя дорога» (1963 г.), что он родился 21 января 1889 г. в селе Турья, Яренского уезда [5, р. 11]. Английское «Turya village» при обратном переводе и превратилось в «деревню» у И. А. Голосенко. Этиологию других версий мы рассмотрим позднее.

Итак сам Сорокин в «Дальней дороге» указал на Турью, как на место своего рождения. Однако это единственное подобное упоминание. В других автобиографических и мемуарных трудах название «Турья» не встречается. Более того, вписывая свою малую родину, Сорокин повествует о целом ряде городов и сел: Великом

Устюге, Котласе, Яренске, Гаме, Жешарте, Римье. В «Листках из русского дневника», он, например, заявляет, что его родина - это район между В. Устюгом и Котласом. Сорокин пишет, что там он обычно проводил все лето [в]. Однако, стоит взглянуть на карту, как обнаруживается, что Турья, и вообще Яренский уезд, удалены от окрестностей Котласа и В. Устюга на две с половиной сотни верст.

Даже такое солидное издание, как «Международная энциклопедия социальных наук» в статье, посвященной Сорокину, лишь скупо сообщает, что он родился «в 1889 году на деревенском севере России в бедной семье» [7]. А известнейший энциклопедический словарь персоналий «Кто есть кто в науке», хотя и указывает в этой связи на Турью, однако далее допускает ряд фактических ошибок. Так, в словаре указывается, что девичья фамилия его матери - Римских [8]. На самом же деле, и Сорокин пишет об этом в «Дальней дороге», фамилию Римских носила в замужестве ее сестра - старшая из теток Питирима Анисья, которая воспитывала Сорокина после смерти матери. Неточности, подобные этой, и заставили нас приступить к поискам данных, которые могли бы убедительно подтвердить или опровергнуть существующие версии.

Обратившись к архивам, мы довольно быстро нашли свидетельство в пользу села Турья, причем сделанное рукой самого П. А. Сорокина. В деле Санкт-Петербургского императорского университета, заведенном на него в пору «оставления ассистентом по кафедре уголовного права» (1914 г.), имеется жизнеописание-автограф Питирима Сорокина - относящееся к началу 1920 года, когда он утверждался в звании профессора Петроградского университета. Отрывок из его *Curriculum vitae* мы и предлагаем вашему вниманию:

«Родился в 1889 году в г. Турье, Яренского Уезда, Вологодской губернии. Родители: отец — маляр, мать - зырянка-крестьянка. Случайно выучился грамоте. Обучался в Гамской второклассной школе, по окончании ее поступил в Хреновскую церковно-учительскую школу. Не окончив ее по независящим [от него] обстоятельствам (арест), прибыл в Петроград. Здесь полтора года слушал лекции на общеобразовательных курсах Черняева. В 1909 г. сдал экзамен экстерном на аттестат зрелости при В. Устюгской гимназии и поступил в Психо-Неврологический институт. В 1910 г. перешел на юридический факультет Петроградского университета. В 1914 г. его окончил с дипломом I-й степени и был оставлен при кафедре уголовного права и процесса для подготовки к профессорскому званию. В 1916 г. сдал магистерский экзамен и в 1917 г. был зачислен в приват-доценты Петроградского университета. В 1914-1915 гг. по предложению М. М. Ковалевского и Е. В. Де-Роберти был избран в ассистенты по кафедре в Психо-Неврологическом институте, а в 1915-1916 гг.-в преподаватели социологии при том же Институте.

В настоящее время состою профессором социологии Сельскохозяйственного Института и преподавателем социологии Петроградского Университета и Институты „Живого слова“, „История искусств“ и „Народного хозяйства“, членом „Русского Социологического Общества имени М. М. Ковалевского“ и Социологического Института...» [9].

Как следует из текста, Сорокин назвал Турью городом. Мотив не вполне ясен, во скорее всего это дань привычке, поскольку, практически до конца XIX в. означенный населенный пункт действительно считался городком. Однако возможны и другие объяснения, т. к. Сорокин совершенно очевидно подретушировал свою биографию под влиянием господствовавшего в кадровых вопросах «классового подхода». Например, по поводу ваяний отца он пишет «маляр», пролетаризируя тем самым свое происхождение, хотя на самом деле, и в «Дальней дороге» (1963 г.) он с гордостью говорит об этом, ремесленник Александр Прокопьевич Сорокин, будучи церковным реставратором, имел патент «золотых, серебряных я чеканных дел мастера» [5, р. 17].

Обнаруженные в архивах паспорта П. Сорокина не содержали указаний на

Паспорт П. А. Сорокина, 1911 г.

место рождения, однако привнесли новые сомнения относительно его даты. Документ, выданный Великоустюжской Мещанской Управой в 1911 г. и паспортная книжка 1917 г. свидетельствуют, что их владелец родился 20 января 1889 г., а не 21-го, как утверждал он в автобиографии. Чтобы окончательно прояснить этот вопрос, мы обратились к церковным метрическим книгам Великоустюжского Духовного Правления Вологодской Епархии, исходя из того, что в обоих паспортах Сорокин значится исповедующим православие [10].

Эти поиски совершенно неожиданно увенчались успехом. В соответствующей книге Воскресенской церкви села Турья (часть I, «О родившихся») обнаружена запись за январь 1889 г. под номером два: «23 января родился, 24-го крестился младенец Питирим, сын мещанина Устюжского уезда города Великоустюга Александра Прокопьевича Сорокина и его законной жены Пелагеи Васильевны». Восприемником (крестным отцом) младенца значится учитель Турьинского земского училища Иван Алексеевич Панов. Таинство крещения совершал Выходящий священник Онежской Богородской церкви Иоанн Попов (село Онежье расположено в нескольких километрах ниже по течению реки Вызь). Запись сделана священником турьинской церкви Викентием Харьюзовым с приложением руки псаломщика Семена Попова [11].

Теоретически маловероятно, чтобы в одном селе два единственных январских новорожденных появились на свет в одни и тот же день. Скорее оба младенца, Иоанн и Питирим, записаны родившимися 23 января и крещеными на следующий день, дабы показать инспекторам Духовного Правления, что церковь функционирует исправно, и святые отцы не дремлют. Возможно, приписки в отчетности имеют более глубокие корни, чем мы предполагаем.

СЧЕТ РОДИ- ШУХСА		МЕСЯЦ И ДЕНЬ		Имя родившуся...	Звание, имя, отчество и фамилия родителей и какому вѣроисповѣданію
Дѣтство род.	Женит. род.	рожд. дня	рожд. дня		
1.	"	Январь.	23. 24.	Сорокинъ.	Первый попечитель Крестовоздвиженской Василий Ивановичъ Миллеръ и жены его вскопная Анисья Секретова оба православнаго вероисповѣданія Свѣченникъ Викентій Ксенофонтовъ Селевъ
2.	"	"	"	Питиримъ.	Мощахъ Петропавловскаго уезда села Великоустюга Александръ Сидоръ Пухомовъ Сорокинъ и законная жена его Пелагея Васильева оба православнаго вероисповѣданія Свѣченникъ Викен- тиславъ Селевъ

Во всяком случае, доподлинно узнать время появления на свет Питирима Сорокина - 20, 21 или 23 января — уже не представляется возможным. Однако место рождения — село Турья, Яренского уезда — более не подлежит сомнению. Кстати, окрестили его в честь епископа Питирима, одного из трех местных усть-вымских святых, чей праздник по церковному календарю 1889 г. приходился на 29 января.

Почему же возникли и получили широкое распространение заведомо неправильные версии? Корни этих заблуждений, по-видимому, в том, что и Великий Устюг, и село Жешарт все же связаны определенным образом с появлением на свет Питирима Сорокина. Первое из названных мест — родина Сорокина-отца, а во втором, как нам удалось выяснить, родилась и жила до замужества его мать, Пелагея Васильевна. Исправляя ошибку словаря «Кто есть кто в науке», заметим, что по воспоминаниям В Н Пипунырова, близко знавшего тетку Питирима-Анисью, ее девичья фамилия была Минина

Каким же образом молодая семья Сорокиных оказалась в селе Турья, за сотню верст от родительского дома в Жешарте; почему дальняя дорога, ставшая судьбой Питирима, выпала ему еще в утробе матери; что из себя представляла Турья, первая станция на долгом жизненном пути будущего ученого?

ГОДЪ, ЧИСТЪ ПЪРЯА, Ш РОДНЪШНХЪ.

Званіе, яла, стѣпство и фамилія копріимникуз.	Кто совершалъ таинство крещенія.	Рѣкопримѣдство свидѣ- телей записи по явлѣніи.
Крестомъ и крестомъ Перевинъ Космоу Стэфанъ Ва- сильевъ Веспощевъ.	Васильевъ Стефанъ Семеоу Космоу Семеоу Космоу Майовъ М. Мемлюковъ Семеоу Майовъ	
Парвильевъ Поповъ.		Се-
Учитель туринскаго Земскаго Училища Иванъ Александръ Степановъ.	Васильевъ Стефанъ Семеоу Космоу Семеоу Космоу Майовъ М. Мемлюковъ Семеоу Майовъ	
мій Парвильевъ Поповъ.		

Запись о рождении П. А. Сорокина в метрической книге туринской Воскресенской церкви, 1889 г.

Первый маршрут

Отец Питирма был странствующим ремесленником и занимался реставрацией церковной утвари, риз, икон и окладов. Иногда он собственноручно расписывал и красил храмы, а при необходимости плотничал и столярничал, подновляя культовые здания. Выучившись ремеслу у знаменитых мастеров Великого Устюга, он переехал за 300 верст от родных мест в отдаленный уезд Вологодской губернии. В Яренске, административном центре этой территории, проживало к концу XIX в. всего 22 ремесленника, так что Александр Прокопьевич Сорокин мог не опасаться конкуренции. В каждом селе стояла церковь, зачастую и не одна, приходы были многолюдны и богаты.

Однако отход Сорокина-старшего на заработки в отдаленную местность нельзя объяснить только конкурентными мотивами. Север Руси издавна манил к себе переселенцев. В XIV в. тем же путем, что и Сорокин, прошел, поднимаясь к истокам Выми, Стефан Пермский, с именем которого связана христианизация этого

края. Однако первые русичи проторили дорогу в эти места еще раньше, предположительно на рубеже XII и XIII веков. Недавно, например, возле села Турья археологи открыли славянское поселение этого возраста. Городище, названное «Жигановским¹», своего рода факторию, основали выходцы из Новгорода, которые мирно уживались с угорскими племенами языческой культуры. Позднейшая христианизация поэтому протекала относительно спокойно, постепенно, естественным путем перемешивая и интегрируя культуры пришлого русского в автохтонного зырянского населения. В результате, места обитания зырян - бассейны рек Вычегда и Вымь - превратились в уникальный бикультурный оазис Кони края, а Яренский уезд стал своеобразной «контактной зоной» для русских и нерусских жителей Севера.

Ритуальные березы, культовые камни, деревянные идола мало-помалу сменились часовнями и церквями, однако и языческие корни не усохли, сохранившись, в языке, обычаях, верованиях местного населения. Возник и до сих пор живет особый яренский диалект: здешние жители, свободно говорившие на языках русском и коми, не смогли отдать предпочтение одному из них и пользуются своеобразным синтезом, органично вплетая в окающую русскую речь слова и фонетические особенности коми языка. Вернемся, однако, к отцу Питирима Сорокина.

Начиная свои странствия в поисках заработка, он вскоре появился в селе Жешарт, примерно в 30 км от Яренска. Здесь А. П. Сорокин познакомился со своей будущей женой Пелагеей Васильевной. Вскоре после свадьбы (1883 г.) Сорокин заканчивает реставрационные работы в Жешарте, и молодые перебираются в село Гам, вверх по реке. В 1885 г. у них родился первенец Василий. Тем не менее, Сорокины не возвратились в Жешарт, а продолжали свое путешествие по селам Яренского уезда, поднимаясь вверх по Вычегде и затем от устья к истокам реки Вымь (от зырянского «Емва» - чистая вода). Вот населенные пункты, последовательно пройденные за три года: Коквиньы, Айкино, Усть-Вымь, Ляли, Княжпогост, Вотча, Отглы, Онежье и, наконец, Турья. Здесь они остаются зимовать в доме учителя Турьинского земского училища Ивана Алексеевича Панова. Здесь же в конце января 1889 г. родился и второй сын Питирим.

Волостной центр Турья в конце XIX в.—довольно большое село с населением около 1000 человек, расположенное на крутом берегу реки Вымь. Через него проходил знаменитый «Березовский тракт», торговый путь за Урал. Все лето шумела ярмарка, самая большая в районе. За турьинским приходом числились две церкви, каменная и деревянная. Имелись школа грамоты, церковно-приходская школа, библиотека и земское училище. Тогдашняя Турья была схожа с типично русским средневековым городком, пережившим свою молодость и чудом сохранившимся в течение двух столетий. Она фактически превосходила по числу жителей уездный центр г. Яренск (около 900 человек населения) и уступала ему, пожалуй, лишь в количестве церквей - там их было пять. Впрочем, приход села Жешарт с деревнями был еще больше — около пяти тысяч человек, и вообще в Яренском уезде насчитывалось немало относительно крупных сел [12].

Отца Питирима Сорокина можно с некоторой натяжкой отнести к сельской интеллигенции. Общественное мнение причисляло к ней учителей, медиков, лавочников, работников сельской администрации и земств, власть предрержающую - урядников, приставов и старшин, ну и, конечно, священнослужителей. В меру образованный, культурный, с солидной богоугодной профессией Сорокин легко входил в круг общения сельской элиты. Кроме того регулярная миграция в Коми край выходцев из Вологодской губернии, и особенно из Великого Устюга, что показывает сравнительный анализ фамилий местных жителей, например: Ярасовы, Минины,.

¹ Жиган - баржа-волокуша, на таких посудинах везли до Турьи хлеб, который обменивали на товары, составлявшие исконный промысел северян: меха, кости, рыбу и проч.

Ячменевы, Поповы, Пановы и другие, способствовала плотному расселению на этой территории земляков Сорокина, а это, естественно, облегчало ему адаптацию среди зырянского населения. Таким образом, нет ничего необычного в том, что крестным отцом Питирима стал земляк Сорокина, преподаватель земского училища И. А. Панов. Весной по окончании работ в Турье семья Сорокиных двинулась дальше. Скорее всего, весь или почти весь маршрут она проделала на «вымке», большой плоскодонке, характерной для этой местности. Вверх по реке на таких лодках поднимались с помощью шестов, вниз же бурное течение само несло путешественников, Дорог «посуху» в тех местах практически не было, если не считать «зимников», появившихся с первым снегом. В конце прошлого века, как впрочем и сейчас, единственным путем, надежно связывавшим села между собой и с большим миром, являлась река. Недаром практически все селения расположены по берегам Вычегды, Выми и их притоков. Последние два пункта путешествия Сорокиных — села Кони и Весляна. Дальше за Чаюсом, каменным мешком между двумя порогами, обжитых человеком мест не было, и семья Питирима повернула обратно. Сплываясь вниз по реке с остановками там, где вновь приспела работа, они к осени 1892 г. добрались до Коквиц. В этом селе мать Сорокина родила третьего сына Прокопня (1893 г.) и там же вскоре скончалась от рака в возрасте 34 лет (1894 г.). С этого трагического и, по-существу, первого сознательного воспоминания и начинается, кстати, автобиографическая книга П. А. Сорокина «Дальняя дорога».

Детство в зырянах²

Период жизни П. А. Сорокина от четырех до пятнадцати лет более или менее известен. Однако, поскольку практически единственным источником сведений являлись воспоминания самого Питирима, их полнота, а иногда и достоверность оставляют желать лучшего. Естественно, что Сорокин не мог дать нам исчерпывающую информацию, восполнив пробелы своего знания, потому что писал автобиографию вдали от родины, к тому же его кое в чем подводила память, ведь в «Дальней дороге» описывались события 60-летней давности. Поэтому мы, не преследуя цель составить подробное жизнеописание, обратим внимание как раз на некоторые неизвестные детали его биографии.

После смерти матери, которая, по воспоминаниям современников Сорокина [5, р. 17], была женщиной редкой красоты и чистоты души, братьев забрала сестра матери Анисья (годы жизни: 1860-1949). Она жила с мужем, Василием Ивановичем Римских, в деревне Римья в пяти километрах от Жешарта. Своих детей у них не было. Поселились Римские на краю деревни в небольшой избе, поэтому местные жители называли тетку Сорокина «Лав-Аннсья», т. е. Анисья с окраины. После ее смерти изба некоторое время использовалась деревенскими как сарай, затем разрушилась. Остался лишь остов — несколько нижних обгоревших венцов, заросших крапивой. Тип строения выпадает из архитектурного стиля этой местности: по сравнению с солидными избами-пятystenками жилище Лав-Аннсьи больше похоже на хижину. Очевидно у Василия Ивановича не было родственников в Римье, и избу строили на скорую руку «миром», а следовательно, он как и Сорокин происходил не из этих мест. Первое упоминание фамилия Римских относится к XVII в., а в конце XIX столетия потомки первых Римских уже широко расселились по Яренскому уезду. Очевидно, по каким-то чисто «семейным» причинам Василий и Анисья вынуждены были переехать из Жешарта, где жили родители, в соседнюю деревню Римья.

По описанию Сорокина, дядя Василий умело добывал зверя в рыбу, и в лесах

² Парафраз строка из автобиографии П. А. Сорокина (1917): «...Детство провел в зырянах...» [14, с. 22].

не было тайн от него, хорошо знал повадки животных и местный растительный мир, слыл в округе «туном», колдуном, успешно лечил вывихи, переломы и смещения позвонков. Кроме того он был для Питирима ходячей энциклопедией по зырянской мифологии и обычаям, фольклору и верованиям. Жители Римьи вспоминают, что и он, и Анисья знали множество сказок и легенд, которые по вечерам рассказывали приходившим послушать детям. Но главное, что отмечает в автобиографии Сорокин, Василий Римских являлся одновременно мудрецом, философом и поэтом в душе, т. е. удивительно целостной, гармоничной личностью, в ладу с самим собой и окружающим миром [5, р. 22-24].

Глубина влияния Василия Ивановича и Анисьи Римских, а через них всего-зырянского микрокосма на мировоззрение Питирима Сорокина еще ждет своего исследователя. Однако можно с уверенностью сказать, что целостное и гармоничное мироощущение («философия», этика, эстетика) зырян, усвоенное им в детстве, несомненно способствовало становлению Сорокина-ученого и созданию впоследствии интегральной социологической теории.

Как мы уже говорили, зыряне в течение шести веков сохраняли свое дохристианское мировоззрение, исповедуя своеобразное христианизированное язычество. Зыряне имели стройное представление о загробной жизни и развитый культ предков, хорошо разбирались в «номенклатуре» злых и добрых духов, домовых, леших, водяных и прочих сказочных жителей Коми-Печорского края. Пережитки язычества не мешали зырянам ревностно исповедовать православие. Подобные-религиозно-культурные химеры достаточно редки и говорят прежде всего о незаурядности и пассионарности народа, которому это удастся [13].

Питирим, сызмальства работая с отцом и братом в храмах, испытал также-мощное влияние ортодоксального христианства, обучаясь «закону божьему» не зубрежкой, а «новаторским», по сегодняшней мерке, методом: через игру, творческий труд и критическое осмысление окружающего. Душа и разум его жадно впитывали и интегрировали оба взгляда на мир, закладывая основы будущего, собственно сорокинского, мироощущения. Так ягель - сухой белый мох Северной Руси — вбирает в себя воду благодатного дождя, на глазах превращаясь в живой и мягкий сказочно-радужный ковер.

Без сомнения, двойное влияние оказали на него и суровые бытовые условия, рано воспитавшие в Сорокине самостоятельность и твердость духа. Жизнь в Римье полноправным членом земледельческой общины и бродяжничество по дорогам края в поисках заработков внесли равную лепту в формирование социолога, ученого и* политика, сохранившего глубокое сочувствие, любовь и уважение к крестьянам и? твердо усвоившего основополагающие принципы зырянской общины — Труд, Справедливость и Равенство, но в то же время сумевшего преодолеть «притяжение земли» и уйти в большой мир, мир науки и политики, навстречу всеобщему признанию, славе и персональной легенде.

Известно, что после смерти матери отец Сорокина продолжал заниматься ремеслом, обучая основам мастерства сыновей Василия и Питирима, младший Проконий жил в Римье у Анисьи. Отец не женился и пытался залить тоску по жене водкой. Со временем его стали настигать приступы белой горячки, после одного из которых в 1899 г. 14-летний Василий и 10-летний Питирим ушли от отца и начали самостоятельную жизнь бродячих ремесленников, навещаясь между походами в Римью. Чтобы не встречаться и не конкурировать с отцом, который погиб через два года, братья ушли с его обычного маршрута и, как выяснилось, отправились вверх к истокам реки Вычегды.

Им заказывали работу в нескольких селах, в том числе в Палевицах, после чего братья вернулись в Римью и вскоре были наняты для реставрации здания Яренского Спасского собора(!), несмотря на то, что им едва исполнилось 15 к 11 лет. Объем работ был настолько масштабен, что Сорокины даже брали помощ-

ников поднимать под ремонтируемый купол балки, стройматериалы, огромный крест на крышу и тому подобное. По окончании подряда в 1902 г. Василий и Питирим приходят на работу в село Гам, где происходит событие, ставшее поворотным пунктом в судьбе юного Сорокина.

Выбор пути

Прежде чем рассказать о превращении Питирима-шабашника в Сорокина-ученого, несколько слов о его начальном образовании. В двух разных автобиографиях он писал, что выучился грамоте самостоятельно (1917 г.) и «случайно» (1920 г.). Однако это не совсем так. В Римье, например, его вместе с другими крестьянскими детьми обучала чтению, письму и счету одна из жительниц деревни, посещал он и школы грамоты в селах, где работал с отцом и братом, много читал. Формальное завершение начального образования пришлось на весну 1901 г., когда Питирим, работая в селе Палеvidы, окончил местную церковноприходскую школу. Этот факт до сих пор не был известен биографам Сорокина, да и сам он в «Дальней дороге» не вспоминает о нем. Однако, нам удалось обнаружить в архиве жизнеописание ученого, относящееся к периоду выборов в Учредительное Собрание (1917 г.), в которой факт учебы в селе Палевицы нашел свое отражение [14, с. 22].

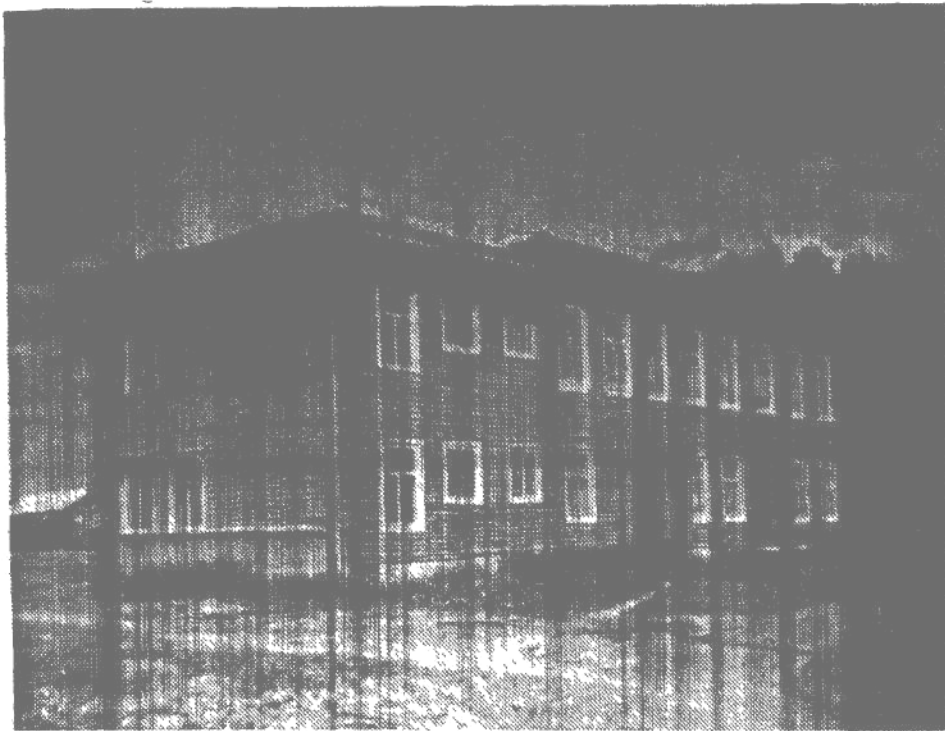
Вернемся теперь в лето 1902 г., когда в селе Гам открылся набор во второклассную школу, прозванную в народе «образцовой» по имени, предположительно, учителя Образцова, ее первого руководителя. О самой школе до настоящего времени ничего не было известно, кроме, пожалуй, упоминания о ней в «Дальней дороге». Однако этот момент биографии П. А. Сорокина стоит того, чтобы остановиться на нем подробнее.

Зырянское население конца XIX - начала XX в. (около 180 тыс. чел., в Яренском уезде - около 20 тыс. человек) было по тем временам на удивление высокообразованным [13 с. 368]. Собственно по уровню грамотности зыряне занимали третье место среди этнических групп России после немцев и евреев. Этому в немалой степени способствовала развитая сеть учебно-просветительских учреждений Вологодской губернии. К ним относились сельские школы грамоты, церковно-приходские и «второклассные» (т. е. двухклассные) церковно-учительские школы, находящиеся в ведении Священного Синода, земские сельские училища, городские 4 и 3 классные училища Министерства народного просвещения, ремесленные школы, реальные училища, гимназии, духовные и учительские семинарии и т. д. [15].

Гамская второклассная школа была создана специально для подготовки учителей в школы грамоты в селах Яренского уезда, этим она отличалась от обычных церковно-учительских школ, воспитывавших преподавательские кадры для ЦПШ. Ее выпускники имели статус учителей исключительно для сельских школ.

В толпе зевак и родителей, присутствовавших на публичном экзамене, устроенном кандидатам в первый набор учащихся, оказался и Питирим Сорокин. Решив попробовать свои силы, он блестяще справился с испытанием и в числе немногих был принят в школу. Классы и ученическое общежитие располагались в новом деревянном строении. Положенная ему стипендия составляла 5 р. в год - деньга несравнимые даже с хрестоматийно-нищенским бюджетом студента Михаила Ломоносова. Сорокин выдержал два года полуголодной жизни в школе только благодаря поддержке Анисьи Римских, снабжавшей его сухарями.

Мы не знаем сколько учеников было отчислено и было ли, однако установлено, что первый выпуск Гамской школы состоял из пяти человек. Вот их имена в алфавитном порядке, так, как они записаны на первых страницах книги учета выданных свидетельств об окончании учебного заведения: Балин Яков, солдатский

Здание двухклассной школы в с. Гам, 1989 г.

сын, Захаров Иван, солдатский сын, Коковкин Федор, крестьянский сын, Матвеев Стефан, крестьянский сын, и Сорокин Питирим, сын мещанина. Время окончания школы - 1904 г., следовательно, отнеся его к 1903 г. в «Дальней дороге», П. А. Сорокин ошибся, по-видимому, его просто подвела память [5, р. 42].

В разное время Гамскую школу закончили многие известные в истории Коми края люди. Назовем хотя бы уже упомянутого Ф. С. Коковкина, крупного деятеля республики в советское время, или однокашников М. П. Минина, члена ЦИК СССР, председателя Комиоблплана, и Д. А. Батиева (выпуск 1912 г.), известного общественного деятеля, вокруг взглядов которого шла острая политическая борьба, в 30-е годы репрессированного как, впрочем, и Ф. С. Коковкин, и М. П. Минин. Школа в селе Гам существует и сегодня; только недавно ученики и учителя переехали в новое здание неподалеку от старого, где теперь расположен Дом Культуры. Это, пожалуй, единственное деревянное строение, имеющее мемориальное значение в связи с Сорокиным, которое полностью сохранилось до наших дней.

После начала учебы в Гаме Питирим оставил прежнее ремесло и расстался с братом. Василий с тем ходил по селам один, выпивал, по воспоминаниям старожил «немного умом тронулся» или, как пишет Сорокин, стал чем-то вроде сельского «битника». Затем перебрался в Петербург, работал на фабрике, за связи с социалистами был выслан в административном порядке в Сибирь. Во время гражданской войны, как пишет Сорокин, он был схвачен в прифронтовой зоне и «на всякий случай» расстрелян чекистами. Прокопий также погиб в 20-е годы в тюрьме [5, р. 21-22]. Питирим же, окончив Гамскую второклассную школу с отличными результатами, по протекции учителя Образцова осенью 1904 г. поступает на казен-

№№ по порядку	Кому выдано свидетельство, съ обозначением свидѣній, прописанных въ свидѣльствѣ	Годъ, мѣсяцъ и день выдачи свидѣтельства	Росписка получившаго свидѣтельство
52	Питириму Александрову Сорокину, соину мѣщанина сорокинского уезда, род. въ 1889 году Января 20 дня	1904, 21 мая	Директоръ школы П. А. Сорокин

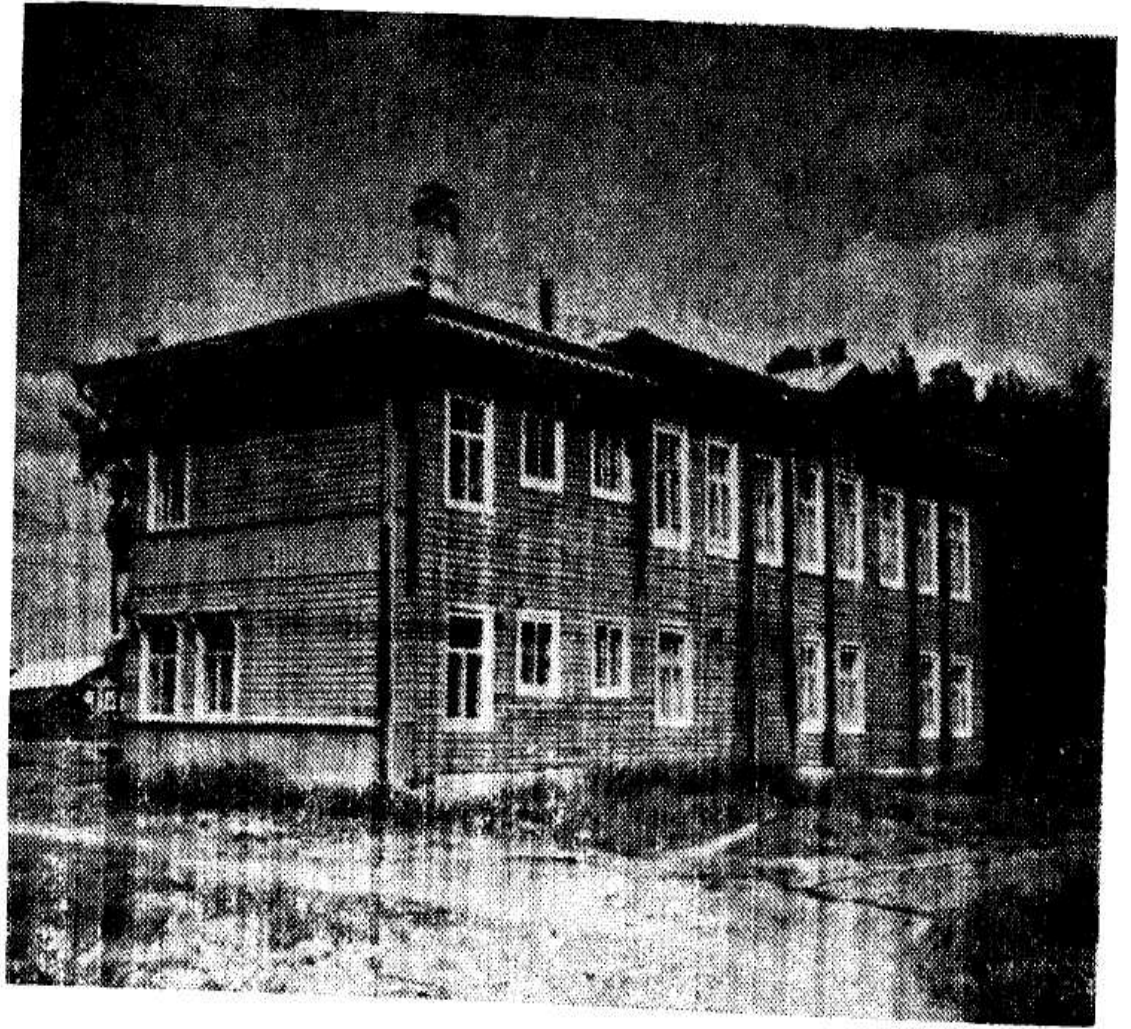
Выписка из книги выдачи свидетельств об окончании ганской школы за 1904 г.

вый кошт в Хреновскую церковно-учительскую школу в деревне Хреново, Костромской губернии.

Эта трехклассная школа готовила учителей для церковно-приходских школ, т. е. была по статусу выше Гамской, однако возникает вопрос, почему именно Хреновская школа и почему снова учебное заведение, подчиненное церкви? В Гане все решил случай, но здесь было осознанное решение. Дело в том, что Образцов мог дать ему рекомендацию только в школу ведения Духовного Правления, и в ней Сорокину было обеспечено вспомоществование целевой стипендией. Обойтись без рекомендации он не мог, так как иначе должен был «по распределению» уехать учительствовать в одно из сел Яренского уезда. Кроме того Хреновская школа, одна из очень немногих, после ее окончания обеспечивала возможность, продолжения именно светского образования, т. е. поступление в гимназию и затем в институт. Кстати, этим же путем шли и другие способные юноши, ставшие впоследствии крупными учеными, например, Н. Д. Кондратьев, однокашник Сорокина по Хреновской школе; он вырос в блестящего экономиста, создателя всемирно призванной теории конъюнктурных циклов и директора Конъюнктурного института в Москве (в 30-е годы репрессирован).

Таким образом, можно уверенно говорить, что уже по окончании Гамской школы П. А. Сорокин сознательно определил свои жизненные планы - получение гимназического, а затем и высшего образования для занятий наукой. Иначе стоило ли ему уезжать, как говорится «за семь верст киселя хлебать», если подобных церковно-учительских школ в самой Вологодской губернии было в 1904 г. 12, однако ни одна из них не открывала выпускнику дорогу в светские высшие учебные заведения [15].

Учеба в Хреново стала точкой отсчета еще одной линии судьбы Питирима Сорокина. В 1905 г. он вступил в организацию социалистов-революционеров, созданную в 1901-1902 гг. на останках народнической идеологии. Всеобщее брожение-

умов охватило и школу, где учился Сорокин, разделив студентов на группы, симпатизирующие той или иной партии. Быстро разобравшись в целях, прокламируемых различными политическими течениями, он вскоре стал лидером местных эсеров. Как пишет сам Питирим, его мироощущение оказалось куда ближе «к интегралистской, идеалистической философии и социологии социал-революционеров», искавших опору в широких слоях народа, чем к материализму и экономическому детерминизму пролетарски ориентированных марксистов. По словам Сорокина, ему дольше импонировала «борьба за индивидуальность», а не «борьба за существование» [5, p. 44].

Успешно занимавшегося и учебой, и нелегальной деятельностью Сорокина в декабре 1906 г. арестовывает полиция. Четыре месяца отсидки в тюрьме г. Кинешма, по свидетельству Сорокина, дали ему больше, чем пропущенный семестр в школе, правда, тогда образ жизни в тюрьмах несколько отличался от условий заключения в советское время. Сорокину довелось сидеть и при царе, и при большевиках, так что у него имелось достаточно материала для сравнения. Днем камеры в тюрьме, вспоминает Сорокин «Дальней дороге», не закрывались, политические свободно общались и дискутировали друг с другом, начальник позволял пользоваться своим кабинетным телефоном, а охранники не отказывались выполнять миссию почтальонов. Отбывая заключение, Питирим познакомился с трудами народников Н. Михайловского и П. Лаврова (впоследствии эсера), социал-революционера В. Чернова, теоретиков марксизма К. Маркса, Ф. Энгельса, Г. Плеханова и В. И. Ленина (Н. Ильина), анархическими учениями М. Бакунина, П. Кропоткина, философскими идеями Льва Толстого, работами эволюционистов Ч. Дарвина, Г. Спенсера и других. Кроме этого тюрьма обогатила его тремя вещами: устойчивым интересом к социальной проблематике, привычкой курить и замыслом первой книги «Преступление и кара, подвиг и награда» (Спб., 1914 г. [5, p. 45]).

В конце апреля 1907 г. П. Сорокин был освобожден под гласный надзор полиции. Через несколько дней, посчитав это обременительным и неудобным для себя, он отправился в Иваново-Вознесенск к знакомому преподавателю, также эсеру, после чего, перейдя на нелегальное положение, под псевдонимом «товарищ Иван» вел до середины июля революционную агитацию среди рабочих и крестьян Поволжья. Когда круги полицейского сыска вокруг него сузились настолько, что избежать ареста удавалось все труднее и труднее, местные эсеры посчитали за благо отправить Сорокина от греха подальше. Август и начало сентября он проводит в Римье, помогая собирать урожай тетке Анисье и брату Прокопию (дядя, В. И. Римских, умер в 1901 г.).

По-видимому, хорошенько поразмыслив, Сорокин приходит к выводу, что дальнейшая «подрывная» деятельность грозит окончательно перечеркнуть его мечту об образовании. В сентябре 1907 г. на пароходике «Купчик», одном из двух пароходов, плававших по Вычегде, он отправляется в Вологду и далее поездом в Петербург, чтобы продолжить учение. Не имея денег на проезд к пункту назначения, Сорокин покупает железнодорожную плацкарту до Рыбинска, после которого едет «зайцем», спасаясь от контролеров на подножке вагона. Однако в Бежецке очередная проверка все же выявляет безбилетника, но кондуктор, сжалившись, оставляет его в поезде, обязав до Петербурга драить туалеты и следить за чистотой в вагоне. В первых числах октября Питирим Сорокин благополучно сошел на перрон Николаевского вокзала Санкт-Петербурга [5, p. 55-56].

Столичные штудии

Единственным человеком, которого Питирим знал в столице, был его друг детства из Римьи, один из братьев Коковкиных, состоявших в дальнем родстве с Сорокиным по материнской линии. Василий Коковкин одно время бродил по дерев-

Питирим Александрович Сорокин
1917 г.

ния вместе со старшим братом Питирима, а Федор («Педя-Питеряк» на яренсков. диалекте) в 1905 г. перебрался в Петербург. Именно у него и остановился по приезде Сорокин. Правда, в «Дальней дороге», он называет своего столичного знакомого Павлом [5, р. 56], однако это ни что иное, как ошибка. Беседа с ныне здравствующим племянником Федора Николаевича Коковкина, 72-летним пенсионером и {Риши Николаем Васильевичем сняла все вопросы. Он, не только не владеющий английским языком, но и никогда не слышавший об автобиографии Сорокина, точь-в-точь воспроизвел соответствующий эпизод из «Дальней дороги», известный ему по рассказам дяди Федора. Кстати, другой Федор Коковкин, однокашник Питирима в гамской школе, был женат на тетке Николая Васильевича, Анисье.

Сорокин быстро нашел репетиторскую работу за стол и жилье и, устроившись! на новом месте, стал искать возможность продолжить образование. Не имея средств оплатить обучение и подготовку к сдаче гимназического экзамена, Питирим обратился к К. Ф. Жакову, философу и этнографу, первому из коми, удостоенному звания университетского профессора. По протекции ученого Питирима бесплатно принимают в число слушателей вечерних Черняевских курсов, где преподавал сам Жаков. С января 1908 г. их стал посещать и Н. Д. Кондратьев, также вышедший за революционные шалости на Хреновской школе вслед Сорокину. В сентябре 1908 г. он, Кондратьев и другой зырянин Кузьбожев, сын крупного, усть-сысольского купца-мецената, сняв комнату на Малой Пушкарской, дом И, кв. 13 стали жить вместе. В Петербурге Сорокин тесно общался со своими земляками¹ многие из которых достигли известного положения в столице. Кроме Жакова в числе знакомых Питирима были этнографы профессора В. Налимов и А. Сидоров, литератор, редактор-издатель «Вестника Севера» И. Шергин, друг Горького, архитектор А. Холопов, член IV Государственной Думы, сочувствовавший эсерам священник Д. Попов и др. Через них Сорокин вошел в круг петербургской научной интеллигенции, а также свел первое знакомство с политиками, лидерами эсеров, социал-демократов и кадетов.

В феврале 1909 г. Питирим уехал в Великий Устюг, где в доме отцовской сеет

ры Анны в ее мужа Михаила Дранковского готовился к экзамену (экстерном за восемь лет обучения) в великоустюжской мужской гимназии. В мае он сдает все предметы на «отлично», получает аттестат, открывающий дорогу в университет, летом, как и год назад, работает статистиком в экспедиции по изучению Печорского края и в сентябре 1909 г. возвращается в Петербург.

После некоторых колебаний Сорокин поступает в только что открытый Психоневрологический институт. Кафедру социологии (отсутствие которой в университете сыграло роль при выборе учебного заведения) вели в нем двое ученых с мировым именем - М. М. Ковалевский и Е. Де Роберти. Кроме того, институт был много демократичнее университета; в состав студентов входили в основном представители средних и низших слоев российского общества. Вместе с Сорокиным в Психоневрологический институт поступил и Н. Д. Кондратьев. Среди друзей Питириииа из числа студентов были В. П. Полонский (Гусин), В. И. Спиридонов, ставшие видными литературными критиками (в 30-е годы оба репрессированы), Ш. З. Элиава и И. Т. Смилга, крупные деятели партии и государства после революции (в 30-е годы репрессированы), поэт и журналист Михаил Кольцов (репрессировав), известный впоследствии психиатр Г. Зильбург (репрессирован) и другие.

Однако, проучившись год, Сорокин с одобрения М. М. Ковалевского, Б. Де Роберти и главы института В. М. Бехтерева переводится в Петербургский университет на юридический факультет, где также уделялось много внимания изучению социальной проблематики. Основным мотивом перехода являлось стремление избежать призыва на военную службу, от которой освобождались только студенты государственных университетов. Неразлучный Кондратьев последовал за ним.

Особенностью Сорокинского стиля занятий являлась нерегулярность посещения лекций. Он предпочитал самостоятельно изучать первоисточники и монографии профессоров, читавших курсы, чем слушать то же самое в аудиториях. Достигавшаяся этим экономия времени позволяла вникать в предмет глубже - и шире предписанной программой. Так, например, три тома по теории права и морали профессора Л. Петражицкого он проштудировал за несколько дней вместо годичного курса по шесть академических часов в неделю. Недостаток лекционного общения с преподавателями Сорокин возмещал на семинарах и в личных беседах с ними, заслужив репутацию способного молодого ученого. При переходе в университет это помогло ему получить стипендию, которой не только оплачивалась стоимость обучения, но и часть расходов на жизнь.

Лето 1910 г. Питирим провел в Риме, совершая поездки по селам, где ему доводилось бывать ранее с отцом и братом. В этих походах он собирал разнообразный этнографический, археологический и антропологический материал, в результате чего той же осенью опубликовал несколько статей, одну из которых написал совместно с К. Ф. Жаковым. Они были посвящены экономике, быту, верованиям и традиционным институтам зырян [16]. Первая известная нам статья «Колонизационные вождения» была написана в 1909 г., но не опубликована. В конце августа Сорокин возвращается в Петербург и приступает к занятиям в университете.

За время учебы П. А. Сорокин написал более десятка серьезных научных работ, не считая рецензий и обзоров публикаций в зарубежной периодике, в том числе оригинальную, благожелательно встреченную учеными монографию «Преступление и кара, подвиг и награда» - пятисотстраничный социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали (Спб., изд-во Долбышева, 1914 год, январь). Недюжинные способности позволили ему в том же году, будучи еще студентом, получить место ассистента на кафедре социологии Психоневрологического института и стать личным секретарем М. М. Ковалевского, кроме того он вошел в редколлегии сборников «Новые идеи в социологии», «Новые идеи в правоведении» и Бехтеревского журнала «Вестник психологии и криминальной антропологии».

В университете П. А. Сорокин не потерял интереса к политике. Через своих друзей и учителей Ковалевского (либерал) и Петражицкого (кадет) он вошел в круг оппозиционной политической элиты Петербурга, через Д. Я. Попова тесно сотрудничал с думской фракцией эсеров, в том числе, как пишет Сорокин, с А. Ф. Керенским [5, р. 78]. Тут, однако, заметим, что будущий премьер в те годы еще был «трудовиком» и перешел к эсерам только после Февральской революции. Дружил Сорокин и с некоторыми большевиками, в первую очередь со своими одноклассниками по юридическому факультету Л. Караханом и Г. Пятаковым (оба репрессированы в 30-е годы).

Смерть Льва Толстого в ноябре (по старому стилю) 1910 г. стала поводом для студенческих беспорядков. Ответом царского правительства явились массовые аресты зачинщиков. В январе 1911 г. жандармы пришли и за Питирхмом. Ему, однако, удалось избежать встречи с вики и уехать в Подолию [14, с. 22], а затем по подложному паспорту за границу (под видом курсанта Военно-Медицинской Академии, сопровождающего туберкулезного больного) [5, р. 82]. Побывав в Швейцарии, Италии и Австрии, где он познакомился с только что вышедшей книгой Г. Зиммеля «Социология», Сорокин возвратился в Петербург. «Пыль», поднятая жандармскими сапогами в стенах университета, к тому времени уже улеглась, однако сия история имела свое продолжение для Питирима. Весной 1911 г. Сорокин, как он сам пишет, «по глупости» отказался сдавать экзамены [5, р. 83]. Этот демарш, символизирувавший, якобы, протест против царизма, стоил ему годовой, стипендии. Поскольку у нас нет оснований предполагать в Сорокине человека небольшого ума, то, вероятнее всего, этот шаг понадобился ему не для «борьбы» с царским правительством, а для реабилитации себя в глазах тех студентов, которые подвергались гонениям, когда Питирям вояжировал за рубежом.

Все же Сорокин в конце марта 1913 г. еще раз попал в тюрьму за антимонарший памфлет, написанный к 300-летию дома Романовых. Просидев в «предварилковке» около трех недель, он был освобожден из-за недостатка улик и благодаря поручительству профессора Ковалевского, а также ходатайствам депутатов Государственной Думы.

В 1914 г. П. А. Сорокин закончил университет с дипломом I степени и был оставлен при кафедре уголовного права и судопроизводства на четыре года для подготовки к профессорскому званию с ежегодной стипендией в 1200 рублей. К этому времени мировоззрение ученого окончательно сформировалось в интегральную и универсальную систему взглядов, своего рода синтез эмпириокритического позитивизма с достижениями социологической мысли О. Конта, Г. Спенсера, Г. Тарда, Э. Дюркгейма, Г. Зиммеля, М. Вебера, Р. Штаммлера, К. Маркса, В. Парето, Н. Михайловского, П. Лаврова, Б. де Роберта, М. Ковалевского, Л. Петражицкого, П. Кропоткина, М. Ростовцева и других. С политической точки зрения, это была разновидность социалистической идеологии, в основании которой лежала усвоенная в детстве этика солидарности, взаимопомощи и свободы. По словам Сорокина, его «Weltanschauung» представляло собой вполне оптимистическое видение мира, сходное которому имели многие русские и западные мыслители начала XX века [5, р. 75].

Подготовка к профессорству заняла у П. А. Сорокина всего два года. Кроме изучения огромного, по сегодняшним меркам, списка литературы в без малого тысячу наименований [9, л. 23-26], он ухитрился издать множество статей и брошюр по специальности, читать лекции по социологии в Психо-Неврологическом институте и Институте Лесгафта, работать в созданном по его инициативе «Русском социологическом обществе памяти М. М. Ковалевского» (1916 г.) и даже написать научно-фантастическую повесть «Прачечная человеческих душ» (Спб., 1917). В ноябре 1916 г. он первым в группе соискателей сдал магистерский экзамен и в январе 1917 г. получил звание приват-доцента Петроградского университета. Обсуждение

же магистерской диссертация, назначенное на март, на котором он собирался представить и защитить текст своей монографии «Преступление и кара, подвиг и награда», не состоялось. Революция спутала планы, а в 1918 г. советское правительство и вовсе отменило (правда, ненадолго) все научные звания.

После Февральской революции Сорокина потянуло в омут большой политики. Он стал членом Всероссийского Крестьянского Совета, ответственным сотрудником Временного правительства, депутатом Учредительного Собрания, соредактором органа ЦК партии социалистов-революционеров «Дело народа», а после раскола эсеров на «социал-патриотов» и «интернационалистов» главным редактором правоэсеровской «Воли народа». Апрель-май Сорокин проводит в В. Устюге, Яренске, Усть-Сысольске, подготавливая крестьянский съезд. 26 мая 1917 г. он женится на Елене Петровне Баратынской, биологе-ботанике, с которой познакомился в доме К. Ф. Жакова еще в 1912 г., когда она училась на Бестужевских курсах. Отправив жену на лето к родственникам в Самару, П. А. Сорокин сосредоточивается на работе в правительстве в качестве секретаря министра-председателя Керенского, уделяя основное время подготовке, созыва Учредительного Собрания. Политическая деятельность П. А. Сорокина в 1917—1922 гг. вплоть до высылки из России — это тема для особой статьи. Ограничимся лишь кратким указанием на две вехи его научной биографии этого периода.

В 1919-1920 гг. Сорокин, отказавшись от активной политической борьбы, возобновил научно-преподавательскую деятельность в Петроградском университете, Психологическом, Социологическом и Сельскохозяйственном институтах, а также в Институте «Народного Хозяйства». Он пишет ряд научных работ, в том числе 2 тома «Системы социологии» (Пг., изд-во «Колос», 1920) и два учебника. В 1920 г. становится руководителем кафедры социологии Университета и 31 января ему без защиты по совокупности работ присваивается звание профессора. Вместе с И. П. Павловым и В. М. Бехтеревым он приступает к изучению влияния массового голода на идеологию общества. В конце 1921 — начале 1922 г. нарастает новая волна критики политических и научных взглядов Сорокина.

В апреле 1922 г. П. А. Сорокин в публичном шестичасовом диспуте блестяще защищает докторскую диссертацию по двухтомнику «Система социологии», а в мае уже приступает к изданию нового труда «Голод как фактор» (тираж уничтожен после выезда Сорокина за рубеж). В августе, находясь в командировке в Москве, он узнает о массовых арестах среди научной и творческой интеллигенции. Выяснив, что арестованные будут депортированы из России, Сорокин принимает решение покинуть страну и является в московскую ЧК, где его включают в списки высылаемых за границу. В сентябре 1922 г. Питирим Александрович с женой навсегда уезжают за рубеж. Вскоре после его отъезда преподавание социологии в учебных заведениях страны отменяется, дисциплина эта объявляется буржуазной наукой и запрещается на долгие 40 лет. Сорокин же с 1923 года живет и работает в США.

«Ыджыд морт»

«Зырянский след» в биографии П. А. Сорокина — это и тот образ, который запечатлен в исторической памяти народа. Зеркало времени, естественно, искривило его отражение, создав одновременно две легенды о Питириме Сорокине, официальную и народную. И если первая упорно рисовала его ярким врагом народа, злым гением коми, то фольклор, наоборот, превращал его в нечто среднее между Робин Гудом и «парнем из нашего города».

После выезда Сорокина за границу его труды в стране оказались под запретом. В большинстве справочных изданий до начала 70-х годов о нем даже не упоминается. С точки зрения Сорокина, вероятно, невелика честь, но как-то обидно за

советскую историческую и социологическую науку. Если же табу изредка снималось, то типичными в отношении ученого были, например, такие выражения: маститый теоретик-социолог, подвизающийся по части клеветы на нашу страну, политический мастодонт и т. п. [17, 18, с. 29].

В то же время у себя на родине Сорока Петь, как звали его коми, все эти годы был предметом тайной гордости земляков. Жителей Римьи и сейчас называют «сорокинцами». Рассказы о нем в народе ходили самые невероятные. Например, бытует убеждение, что он был женат на дочери купца из В. Устюга и бежал за границу с мешком золота. Что на его деньги построен университет в Усть-Сысольске³. Что он пристально следил за событиями в Кони крае и, выступая по «Голосу Америки» резко критиковал непопулярных местных руководителей, хотя последнее не так уж невероятно, поскольку достоверно известно, что он вел переписку с земляками до конца 40-х годов. Трудно понять другое, как эта переписка осуществлялась в годы сталинщины.

Коми уверены в том, что Сорокин хотел приехать перед смертью на родину, однако сыновья — «генералы в Пентагоне» — не пустили. Единодушно описывается, что он был человеком очень высокого роста, большой физической силы и выносливости. Отлично учился, многие старики помнят его деятельность «комиссаром Временного правительства», в частности двухчасовую лекцию о текущем моменте и в поддержку Учредительного Собрания, проведенную в Жешартской церкви (1918 г.). Кое-кто считает его старшим среди братьев; интересно, что Прокопия, дольше всех жившего в Римье, не помнят вовсе. Многие наши собеседники утверждали, что состоят в очень далеком родстве с Сорокиным, что при проверке не подтвердилось. Однако найдены свидетельства о реальных родственниках ученого, оставшихся в России, и по этим версиям ведется поиск.

Мы нашли также людей, которые помнят и хорошо знают его тетку Анисью. Выяснилось, что Сорокин постоянно писал ей письма, присылал доллары и белую муку, из которой Анисья пекла «французские булки», угощая односельчан. Сама Анисья была неграмотной или плохо видела, так что письма племяннику под ее диктовку писал учитель Жешартской школы П. И. Климушев, георгиевский кавалер и первый работник народного образования в Коми крае, награжденный орденом Ленина. Одно из посланий Сорокина, по воспоминаниям односельчан Анисьи, начиналось так: «Я из простого деревенского парня стал ведущим ученым не только Европы, но и Америки...» (Поиски его переписки продолжаются).

В общем и целом, бытующие представления о Сорокине являют пример классического мифотворчества, былинного сказания, с неременной героизацией главного персонажа и переносом отсвета «харизмы» героя на рассказчика. Во всяком случае, в чем сходятся все земляки П. А. Сорокина, и знавшие его, и не знавшие его лично, так это то, что Сорока Петь был «Бджыд морт», что по коми означает «большой человек».

ЛИТЕРАТУРА

1. Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 627; Советский энциклопедический словарь. М., 1982. С. 1240; Справочное пособие по истории немарксистской западной социологии. М., 1986. С. 340.
2. *Согомонов А. Ю.* Забытая рукопись Питирима Сорокина//Социол. исслед. 1988. № 4 С. 102.
3. Новое время. 1989. № 4. С. 31.
4. Молодежь Севера. 1988. 30 сентября.
5. *Sorokin P. A.* A Long Journey. New Haven: Conn., CoD. and Univ. Press, 1963.
6. *Sorokin P. A.* Leaves from a Russian Diary. Boston: Beacon Press, 1950. P. 144.

* Старое название Сыктывкара.

7. International Encyclopedia of the Social Sciences. N. Y.: MacMillan Inc., 1968. VoL 15. P. 61.
8. World Who's Who in Science/Debus A. G. ed. Chicago: Marquis-Who's Inc. 1975. P. 1580.
9. ЛГИА, ф. 14, оп. 1, 1914-1922 гг., ед. хр. 10917, л. 115.
10. Там же, л. 91.
- И. ЦГА Коми АССР. Ф. 254, оп. 1, дело 50, л. 124
12. Энциклопедический словарь. «Брокгауз и Ефрон», Спб., 1902. Т. 67. С. 251.
13. Энциклопедический словарь т-ва «Бр. А и И. Гранат и Ко». Спб., 1913. Т. 21. С 368-370.
- 14 К выборах в Учредительное Собрание по Вологодской губернии. Вологда, 1917.
15. Обзор Вологодской губернии за 1904 год. Вологда, 1905. Ведомость № 22. С. 53-93.
16. *Сорокин П. А., Жаков К. Ф.* Историко-статистический очерк зырян. Труды экспедиции по исследованию Печорского края. Спб., 1910; *Сорокин П. А.* Пережитки анимизма у зырян//Известия Архангельского об-ва изучения Русского Севера. Архангельск, 1910; и др.
17. *Громыко А. А.* Памятное. М., 1988. Т. 1. С. 158-159.
18. Призваны революцией. Сыктывкар, 1987.